

Периклис Павлидис

Салоники, Греция.

Доктор философии,

преподаватель Высшей школы

развития педагогической квалификации

БЮРОКРАТИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ XX-го ВЕКА

Феномен бюрократии нас интересует в связи с идеалом и перспективой социальной эмансипации человечества. Под социальной эмансипацией мы подразумеваем исчезновение всех видов эксплуатации человека человеком, создание общества, в котором свободное развитие каждого будет предпосылкой для свободного развития всех. Речь идет об идеале и перспективе бесклассового общества.

Таким образом, феномен бюрократии мы рассмотрим с точки зрения попыток построить такое общество в СССР и в других странах социалистического лагеря. Основание такой постановки вопроса заключается в парадоксальном, на первый взгляд, явлении, что новые социальные отношения не только не ограничили, но, наоборот, усилили роль государства, привели к бюрократизации всех социальных институтов. Тем не менее, изначальной ориентацией социальных преобразований в данных странах действительно являлось снятие всех форм отчуждения, включая бюрократизм, т. е. управление человека человеком.

Данное обстоятельство выдвигает на передний план следующие вопросы: не является ли бюрократизм фатальным пороком социализма, главной силой, подрывающей изнутри процесс строительства бесклассового общества? Не становится ли необходимым после социалистического переворота и упразднения буржуазии как класса осуществить новый антибюрократический переворот и одним махом упразднить бюрократию и бюрократизм?

Многие исследователи попытались ответить на эти вопросы, занимаясь осмыслением общественного устройства первых социалистических стран сквозь призму изучения роли и места бюрократии в них.

Одним из первых, обратившихся к данной проблеме, был Л. Д. Троцкий, который говорил о советской бюрократии как о паразите, о раковой опухоли на теле рабочего государства, считая это явление совершенно внешним и чуждым социалистическому обществу. Хотя Л. Д. Троцкий не признавал советскую бюрократию правящим классом, в ее лице, т. е. в лице аппарата управления СССР, он видел силу, совершающую социальную контрреволюцию. С этой точки зрения, Л. Д. Троцкий определял социальный строй в СССР как рабочее государство с бюрократическими извращениями и считал его не социалистическим, а переходным от капитализма к социализму.

В позиции Л. Д. Троцкого обнаруживается непонимание органической связи бюрократизма с социальными отношениями и противоречиями социализма (первой фазы коммунизма) в СССР. Считая социализм непротиворечивым обществом, Л. Д. Троцкий не мог подойти к осмыслению бюрократизма в СССР как явления, закономерно вытекающего из противоречий первой фазы коммунизма. Л. Д. Троцкий считал, что бюрократия пришла к власти путем целенаправленных волевых действий, и предлагал антибюрократической рабочей революции такими же действиями сместить ее [1].

Другие исследователи пошли по иному пути, пытаясь представить бюрократизм как закономерную черту социальных отношений в СССР. Некоторые из них (Урбанс, Клифф) выдвинули идею о том, что советская бюрократия – это господствующий класс со свойственными ему чертами коллективного капиталиста, а советский строй – это государственный капитализм.

Недостатком данной идеи является ее крайний эмпиризм: советский строй определяется по аналогии с западными странами, имеющими развитый государственный капиталистический уклад. При проведении такой аналогии стирается внутреннее различие между СССР, где господствовала общественная собственность на средства производства и плановое ведение хозяйства, и западными странами, где доминирует частная собственность (и лишь в незначительной мере – госкапиталистическая), закон прибавочной стоимости, всеобщая конкуренция производителей и т. д. Авторы концепции, утверждающей, что советская бюрократия является госкапиталистическим правящим классом, оказались неспособными доказать, что экономика СССР имеет *госкапи-*

талистический характер. Примечателен тот факт, что Тони Клифф, один из главных представителей данной концепции, утверждал с искренней убежденностью, что собственностью советских бюрократов-госкапиталистов являются личные связи [2, с. 145].

Другой недостаток вышеназванного подхода заключается в том, что бюрократия отождествляется с правящим классом. Такое отождествление встречается и среди других исследователей (Рицци, Бэрнхам, Касториадис, Лефорт, Джилас, Восленский, Виттфогел), считающих советскую бюрократию правящим классом нового типа и советскую систему – новым бюрократическим эксплуататорским строем.

Но и эти исследователи не преодолевают эмпирического, далеко не всегда достаточного метода обоснования своих умозаключений – метода аналогии. Так как им не удалось доказать наличие в СССР новых классово-антагонистических отношений, якобы обуславливающих классовое господство бюрократии, – эти исследователи прибегли к поиску сходства советского строя с другими известными общественно-экономическими формациями. Касториадис, например, отрицая капиталистический характер советской бюрократии, одновременно квалифицировал советскую систему как коллективный капитализм; Восленский называл советский строй феодальной реакцией на капитализм или феодальным социализмом; Виттфогел же считал советское общество новым вариантом азиатского способа производства.

Наша позиция по рассматриваемому вопросу коренным образом отличается от вышеназванных. Попытаемся изложить основные идеи нашего понимания места и роли бюрократии в СССР и в других странах социализма.

Для изучения феномена бюрократии и для выявления специфики данного явления требуется четкое различение отношений управления от отношений собственности. Первые характеризуют взаимодействие между субъектами и объектами управления. Управление или управленческий труд (в условиях порабощающего разделения труда с необходимостью порождающего управленческую прослойку – бюрократию) является неотъемлемой частью совокупного общественного труда и поэтому, безусловно, необходим для планомерного функционирования общественного производства. Отношения собственности, на основе которых формируются классы и классовые отношения, – это отношения

между людьми по распределению и присвоению результатов общественного производства, через присвоение факторов производства – производительных сил.

Следует четко различать отношения эксплуатации человека человеком от отношений управления. Эксплуатация человека человеком – это классовое отношение, направленное на присвоение господствующим классом прибавочного продукта.

Управление человека человеком является сутью бюрократизма и вытекает из дифференциации – противоречия между разными видами труда, между управленческим и исполнительным трудом. Управление человека человеком – это неотъемлемая часть управленческого труда – труда по управлению производительными силами, пока человек в своей физической непосредственности, в качестве физической силы, остается производительной силой.

Бюрократию в первых социалистических странах нельзя считать классом и, тем более, – господствующим классом – собственником средств производства и прибавочного продукта. Бюрократия, управленческий аппарат, особенно высшие его звенья, пользовались значительными материальными благами, в виде хорошего жалования и привилегий не потому, что они были собственниками (частными или коллективными) средств производства, а потому, что они были работниками ведущего в обществе (объективно и закономерно) управленческо-умственного труда.

Корни бюрократизма в СССР и в других странах «реального социализма» следует искать не в самом бюрократическом аппарате (не в политической надстройке), а в характере и противоречиях материального производства. Мы считаем методологически важным не отождествлять явления политической надстройки (бюрократизм) с отношениями экономического базиса (с отношениями собственности и классовых противоречий), а выводить отношения политической надстройки из противоречий экономического базиса. Также не следует связывать советский бюрократизм с чертами других общественно-экономических формаций, произвольно приписываемых некоторыми исследователями советскому строю.

Корни бюрократизма в СССР и в других странах социализма следует искать в сохранившемся порабощающем разделении труда. Фено-

мен бюрократизма в данных странах, связанный с наличием государственной системы управления общественными делами, выступает показателем того, что обобществление производства имело по большому счету формальный характер.

Данное обобществление осуществилось на материальной базе машинного производства с сохранением большой доли ручного труда. Машинное производство, в отличие от комплексно автоматизированного, есть первый – еще не зрелый уровень развития общественного характера производства. Как отмечает В.А. Вазюлин, на ступени машинного производства «общественный характер производства уже стал технической необходимостью, но для отдельных машин или систем машин, не объединенных в масштабах страны (и тем более всего человечества) в единую систему машин» [3, с. 297].

На стадии машинного производства (в отличие от автоматизированного) сохраняется в значительной степени участие человека в общественном труде в качестве физического фактора, в качестве физической мускульной силы.

Пока, при социализме, большая часть трудящихся является работниками физического труда, трудовой процесс раздроблен на множество звеньев системы «человек-машина». Это означает, что совокупный общественный продукт состоит из множества отдельных продуктов, в которых овеществлен физический труд единичного рабочего или группы рабочих, выступающий в масштабе общественного производства как производственная единица. При таких условиях, когда «труд в его непосредственной форме» является «великим источником богатства», меновая стоимость закономерно является «мерой потребительной стоимости» и, следовательно, товарно-денежные отношения в той или иной степени сохраняются (легально или нелегально) в системе социалистического производства [4, т. II, с. 220].

Сохранение же товарно-денежных отношений при социализме означает сохранение, в определенной мере, отношений отчуждения между трудящимися, сохранение различия между лично-индивидуальным и общественным интересом.

Но когда в обществе господствует крупное машинное производство, существуют объективные всеобщие связи между звеньями общественного производства, существует объективная необходимость

всеобщего согласования и планирования производственной деятельности; на ее основе устанавливаются и развиваются социалистические (незрелые коммунистические) производственные отношения.

Социалистические (незрелые коммунистические) производственные отношения, в виде государственной собственности на средства производства, означают не только управление производительными силами со стороны единого центра, но, в первую очередь, превращение, через государственный контроль, всех производительных сил в достояние всего общества. Все производительные силы и, прежде всего, сам человек труда становятся общественно необходимыми и развиваются все вместе как общественно необходимые; не существует лишних производительных сил, лишних людей труда.

Следует особенно подчеркнуть огромное значение для эмансипации трудящихся во всем мире тех социальных прав, которые реализовал в различных сферах общественной жизни (в образовании, культуре, здравоохранении, отдыхе и т. д.) социалистический строй в СССР и в странах Восточной Европы. Разрушение этих социальных гарантий в результате ликвидации социалистического строя было страшным поражением трудящихся всего мира.

Что касается управления социалистическими производительными силами в условиях, когда рабочие участвуют в общественном производстве как физическая сила, они не в состоянии знать и понимать всеобщие связи-отношения между разными комплексами производительных сил и поэтому не могут непосредственно заниматься управлением всеобщими производственными и экономическими процессами.

Управленческий труд – это умственный труд для определения цели трудовой деятельности, для разработки программы и графика ее реализации, а также для контроля над процессом осуществления цели. Управленческий труд включает в себя:

- 1) сбор и анализ информации относительно потребностей, удовлетворение которых необходимо для достижения цели трудовой деятельности и средств для ее реализации;
- 2) собственную разработку цели, программы и графика деятельности;
- 3) проведение организационной работы для распределения задач, функций и ответственности субъектов-исполнителей;

4) контроль за исполнением задач, координация участвующих в исполнении субъектов, принятие регулирующих и корректирующих мер.

Управленческий труд занимает особое место в общественном разделении труда, направляя все компоненты труда и организуя весь труд как целое. «Постановка цели, организация, управление имеют дело по преимуществу с трудом как целым, реализация, исполнение – по преимуществу с частным в труде» [3, с. 130].

Рабочие, участвующие в общественном производстве как физическая сила, неизбежно имеют дело «с частным в труде», с отдельными звеньями системы «человек-машина» или с отдельными ручными орудиями труда. При таких условиях государственный аппарат есть неизбежно тот механизм, который осуществляет объединение производительных сил, включая и людей в качестве физической производительной силы, и управление ими в масштабах целой страны.

Таким образом, трудящиеся разделяются на две крупные категории: на работников управленческого труда и на работников, которые в качестве непосредственных – физических факторов производства сами являются объектами управления. Отношение между этими двумя категориями как отношение управления человека человеком и составляет суть бюрократизма. Нужно подчеркнуть, что отношение бюрократов и рабочих в социалистических странах не было отношением между правящим классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых. Это отношение характеризовалось как взаимодействие между двумя группами трудящихся, между трудящимися управленческо-умственного и исполнительно-физического труда.

Бюрократизм, следовательно, есть «... естественное явление там, где объективно возникла необходимость сознательной общественной организации экономической жизни, управления производством в крупных масштабах, а возможность такого управления самими трудящимися не может быть реализована» [5, с. 10].

Бюрократизм в СССР и в других странах социализма как отношение управления человека человеком (управления одних трудящихся другими) означал отчуждение большой массы рабочих от власти, от управления общими делами. Вместе с этим отчуждением расцвели все характерные для бюрократизма явления: корпоративность, формализм, ведомственность, карьеризм, авторитарность.

Бюрократизм в первых странах социализма приобрел большой размах из-за разбухания государственного аппарата в результате чрезмерного огосударствления средств производства и установления жесткого государственного контроля над экономикой и всей общественной жизнью. Если даже считать такое огосударствление необходимым для решения задач первоначального социалистического накопления, следует все же признать, что оно означало формальное обобществление производства.

Но отчуждение рабочих от управления общими делами нельзя приписывать лишь своекорыстным интересам, намерениям и деятельности самой бюрократии. Данное отчуждение было, в первую очередь, следствием реальной, *de facto*, неспособности массы трудящихся управлять общими делами. Оно было следствием того, что общие дела социалистического общества были для многих рабочих формально, а не реально общими.

Когда рабочие участвуют в общественном производстве в качестве физической силы, то труд для них (физический, стереотипный, часто тяжелый и вредный для здоровья) не может стать внутренней потребностью. Труд, не являющийся внутренней потребностью, не может по большому счету стать трудом ради общества, а становится необходимым только для удовлетворения индивидуальных потребностей. Поэтому общественные интересы (интересы общественного труда, когда последний не является потребностью человека) не всегда совпадают с личным интересом многих трудящихся; они во многом являются для них внешними – чуждыми интересами. Согласно классическому выражению К. Маркса, «бюрократия основывается на этом разделении» «между “особыми интересами” и “сущим в себе и для себя всеобщим”» [6, т. 1, с. 269].

Этим, правда, мы не хотим списать со счета тот факт, что тысячи передовых трудящихся в социалистических странах, вдохновляясь великой коммунистической перспективой, самоотверженно трудились ради общественного блага, даже в случаях выполнения тяжелого, изнурительно-вредного труда. Эта – самая сознательная и активная часть граждан – составляла авангард социалистического общества, являясь в то же время меньшинством в общем числе трудящихся.

При наличии разрыва между личным и общественным интересом, связь многих трудящихся с общественным интересом имела характер конформистского приспособления этих людей к всеобщим по-

требностям и целям социалистического общества. Конформизм массы трудящихся, как формальная забота о всеобщих интересах и как реальное безразличие к ним или, другими словами, как забота об общественных делах ради собственной выгоды есть та почва, на которой управление общими делами становится компетенцией особой прослойки управленцев – бюрократии.

Следовательно, те, кто вместе с Л. Троцким говорят об узурпации советской бюрократии власти в СССР и о лишении рабочих доступа к ней, закрывают глаза перед проблемой конформизма большой массы рабочих, перед их незаинтересованностью в служении общественным интересам, а также перед их объективной неспособностью (именно потому, что они – люди, в основном, физического труда) управлять всеобщими делами.

Превосходство управленческо-умственного труда над физическо-исполнительным можно преодолеть только поднятием всех трудящихся до уровня управленцев, т. е. коренным изменением характера общественного труда.

Представление о том, что при социализме (т. е. пока сохраняется различие между умственным и физическим трудом) возможно одновременное участие всех трудящихся как в физическом, так и в умственном труде, не содержит качественных различий между этими видами труда и, вместо поднятия трудящихся до уровня управленцев, низводит управленцев до уровня представителей физического труда. М. Бакунин, с присущим ему пафосом протеста против всякой власти и всякого вида принуждения, наивно полагал, что после победы пролетарской революции «наука ... сделается доступной для всех лиц» притом, что ручной труд «будет обязателен для всякого» [7, с. 436]. Наивным здесь является не то, что к участию в физически-непривлекательном, монотонном труде нужно будет в определенной мере обязывать людей (угрозой лишения средств к существованию или другими средствами), а то, что можно построить социалистическое общество без государства, без аппарата принуждения и без бюрократии притом, что ручной труд «будет *обязателен* для всякого» (курсив мой – П.П.).

Для осмысления бюрократического феномена в первых социалистических странах, вместо его сведения к неким извращениям правильной, чистой, идеальной модели социализма, необходимо его рассмотре-

ние в свете закономерных противоречий социалистического общества – раннего коммунизма (в том виде, в котором это общество и эти противоречия представлены в данных странах), в свете противоречия между формальным и реальным обобществлением производства.

Понимание бюрократизма как стороны закономерных противоречий социализма приводит к выводу о том, что преодоление этого явления не является (и в принципе не может являться) самостоятельной и сиюминутной задачей, а оно сопряжено с общим процессом разрешения противоречий социализма – первой фазы коммунизма. Оно связано с общим процессом перехода от формального (в рамках системы государственного устройства) к реальному обобществлению производства. Следовательно, все концепции о социализме без «бюрократических извращений» и с рабочим самоуправлением, и, более того, о возможности «одним махом», путем антибюрократической революции, избавиться от бюрократии являются, в лучшем случае, утопическими благими намерениями.

В.И. Ленин критически относился к подобным упрощенным взглядам на проблему преодоления бюрократизма. Он предупреждал что «борьба с бюрократизмом потребует десятилетий» и называл шарлатанами тех, кто обещал скорое освобождение от этого явления [8, т. 42, с. 248]. Согласно ленинскому пониманию проблемы, «нельзя “прогнать” бюрократизм в крестьянской стране, нельзя “стереть с лица земли”. Можно лишь медленным, упорным трудом его уменьшать» [9, т. 52, с. 193].

Преодоление бюрократизма означает нечто большее, чем поднятие кухарки до уровня общегосударственных задач. Необходимо превращение кухарки в личность, сформировавшуюся в принципиально иных социальных условиях: трудящийся на этой стадии преобразования общества перестает быть физическим фактором процесса производства, а «непосредственный труд как таковой перестает быть базисом производства, потому что, с одной стороны, он превращается, главным образом, в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем потому, что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и в качестве производителя выступает, скорее, комбинация общественной деятельности...» [9, т.2, с. 220].

Переход к обществу, где будет полное самоуправление трудящихся, означает исчезновение прежнего типа трудящихся, как носителей физического труда, исчезновение трудящихся, производящих продукты

«единичного непосредственного труда», означает формирование людей, способных понимать всеобщие связи, интересы и задачи, способных ставить всеобщие цели и управлять процессом их реализации. Это общество предполагает людей, связанных между собой общими интересами, людей, для которых общий интерес совпадает с личным и является поэтому реальным, а не формальным всеобщим; предполагаются люди, кровно заинтересованные в успехе общего дела. Тогда исчезнет полностью и бюрократизм. «Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особым интересом в действительности... это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что особый интерес становится в действительности всеобщим» [6, т. 1, с. 273].

Понимание всеобщих связей и интересов, представляет собой их научное осмысление. Носителем такого понимания могут быть люди – носители научных знаний, способные к научному отношению к действительности. Подлинное самоуправление людей возможно лишь тогда, когда снимается противоречие «между “особыми интересами” и “сущим в себе и для себя всеобщим”» и когда труд, необходимый человеческий труд, больше не разделяется на умственно-управленческий и физически-исполнительный, а является «комбинацией общественной деятельности» – научным управлением вещами и производственными процессами. Научный труд как «всеобщий труд» [10, т. 25, ч. I, с. 116] является самой настоящей «комбинацией общественной деятельности».

Концепции, отрицающие социалистический характер СССР и других стран реального социализма из-за наличия в них «бюрократических извращений» подразумевают некий чистый, непротиворечиво-совершенный образ социализма. Таким образом, вольно или невольно закрывается путь к выявлению и изучению реальных противоречий процесса перехода к бесклассовому обществу – коммунизму.

Необходимость и целесообразность такого изучения вытекает из осознания того, что единственным прогрессивным разрешением противоречий капиталистического общества и вообще единственным направлением прогрессивного развития человечества является коммунистическая перспектива, перспектива бесклассового общества. Тенденции, ведущие к усилению *технической необходимости* общественного характера производства сегодня налицо в большей части земного шара. Эти тенденции вступают в острейшее противоречие с капиталистичес-

кой частной собственностью. Жертвой этого противоречия становятся производительные силы человечества, включая окружающую среду и самого человека – главную производительную силу.

Поэтому мы считаем, что, несмотря на поражение первых социалистических революций, человечество и, в первую очередь, рабочий класс вернется к поиску новых, адекватных общественному характеру труда, социальных отношений. С этой точки зрения и с целью разработки эффективной стратегии будущих социальных преобразований мы считаем весьма актуальным изучение и осмысление исторического опыта первых социалистических стран.

Следует, правда, заметить, что для разработки социалистической стратегии одного изучения бюрократизма и противоречий первых социалистических стран недостаточно. Если социализм есть незрелый коммунизм (есть переход к зрелому коммунизму), а коммунизм представляет собой подлинную историю человечества и, вместе с этим, снятие, преобразование, всей предыстории – всего типа предыдущего исторического развития человечества – то осмысление противоречий первых социалистических социальных систем возможно лишь при рассмотрении коммунистической перспективы с точки зрения закономерностей не только капитализма, а всей мировой истории.

Задача рассмотрения коммунистической перспективы с точки зрения закономерностей всей мировой истории, которая была поставлена советским философом-марксистом В.А. Вазюлиным (им же была предпринята и первая, удачная на наш взгляд, попытка ее реализации) [3], имеет стратегическое значение. Осмысление коммунизма, как закономерного этапа развития мирового исторического процесса открывает широкие перспективы для фундаментального развития революционной теории и стратегии в XXI веке. Мы считаем, что при фундаментальном развитии революционной теории станет возможной и эффективная революционная практика.

Список литературы

1. *Троцкий Л.Д.* Положение СССР и задачи переходной эпохи// Бюллетень оппозиции; № 66-67, Май-июнь 1938.
2. *Клиф Т.* Государственный капитализм в России. М., 1991.

3. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Издательство МГУ, 1988.
4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1861 гг.; М.: Политиздат, 1980.
5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Анатомия бюрократизма; М.: Знание, 1988.
6. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд.
7. *Бакунин М.* Государственность и анархия// Бакунин М. Философия Социология Политика. М.: Издательство «Правда», 1989.
8. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений.
9. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1861 гг.; М.: Политиздат, 1980.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-ое изд.